

СВЕТЛАНА ЕДЫГАРОВА (Тарту)

ВЫРАЖЕНИЕ НЕОТЧУЖДАЕМОЙ ПОСЕССИИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract. Marking inalienable possession in the Udmurt language

The present paper describes the semantic and grammatical dimensions of the category of inalienable possession in Udmurt. The language material proves that in Udmurt there is a special morpheme which is intended to mark inalienable possession and another morpheme which marks alienable possession. According to the way those morphemes combine with nouns a classification of words with inalienable semantics was developed, revealing that in the Udmurt language nouns which designate body parts, the mental state of a human being, spatial concepts, parts of inanimate objects, relational concepts, kinship etc. can be considered as inalienable. In kinship terms inalienable semantics appears in a descending line (e.g. daughter, son, younger brother, younger sister). From the syntactic point of view those nouns tend to be presented in juxtaposition with the possessor, while their use in predicative constructions is restricted. However, as in many languages the phenomena of possessor deletion and possessor ascension appear in the Udmurt language as well.

Keywords: Udmurt, possession, inalienable possession, possessor, juxtaposition, semantics.

1. Введение

1.1. Цели и задачи исследования

Работа посвящена определению неотчуждаемой посессии, а также грамматическим средствам ее выражения в удмуртском языке. В ней дается определение и классификация лексико-семантических групп слов, выражающих семантику неотчуждаемости, исследуется «поведение» данных лексем в разных грамматических конструкциях, а также описываются некоторые синтаксические особенности. Работа базируется на материале современного удмуртского языка: художественная литература 1930—1960-х годов и диалектные данные, собранные во второй половине XX в. и опубликованные В. Кельмаковым, а также примеры из средств массовой информации. Все примеры приводятся в орфографии оригиналов. Записи автора даны в финно-угорской транскрипции.

1.2. Теоретическое обоснование

1.2.1. Основные определения

В лингвистической литературе неотчуждаемость некоторых имен впервые выделил Л. Леви-Брюль. В статье, посвященной изучению именного класса в меланезийских языках, он обозначил наличие класса имен (части тела и близкие человеку предметы, термины родства, обозначающие пространственные отношения), которые обладают особой посессивной формой в противовес словам, приобретающим иную посессивную маркировку и имеющим семантику отчуждаемости (Lévy-Bruhl 1914 : 96—104).

В настоящее время проблема неотчуждаемости и отчуждаемости имен особенно хорошо изучена в типологическом плане (см., например, The Grammar of Inalienability 1996; Chapell, Mc Gregor 1996; Nichols 1988; 1992; Heine 1997; Seiler 1983; Журинская 1977; 1978; 1979). В литературе рассматриваемая категория имеет множество названий и определений, например «неотторжимая», «органическая», «интимная» посессия; англ. *inalienable*, *intimate*, *inherent*, *inseparable*, *abnormal possession* и т.д. В данной статье используется термин «неотчуждаемость» или «неотчуждаемая посессия/принадлежность», поскольку он уже использовался в терминологии удмуртской грамматики (см. Тепляшина 1955 : 172). В статье неотчуждаемая посессия понимается как выражение принадлежности такого предмета, который естественным образом не может быть отчужден от другого предмета или посессора (Heine 1997 : 10; см. также Журинская 1978; 1979; Seiler 1983; Категория 1989).

1.2.2. Семантическое содержание

Категория неотчуждаемости реализуется, в первую очередь, на лексико-семантическом уровне: в языке существует ограниченный закрытый круг слов, имеющих семантику неотчуждаемости, с другой стороны, существует открытая группа имен с отчуждаемой семантикой (Nichols 1988 : 562; Heine 1997 : 172). Закрытая неотчуждаемая группа имен не универсальна, а варьирует от языка к языку. Дж. Николс приводит следующую наиболее обобщенную градацию неотчуждаемых имен: 1) термины родства или части тела, 2) отношение часть—целое / пространственные отношения, 3) культурно-базовые предметы принадлежности (например, стрела, домашние животные) (Nichols 1988 : 572). Некоторые ученые в основе неотчуждаемых отношений предлагают рассматривать отношение целое—часть и релятивности, а также выделяют понятие «полуотторжимости», обозначая им такие предметы, отчуждение которых не имеет фатальных последствий для обладаемого, например, волосы, борода, ногти и т. д. (Журинская 1977 : 205; 1979 : 305). Классификация рассматриваемых имен может иметь и более подробный перечень, например, градация Б. Хайне: 1) термины родства, 2) части тела, 3) относительные пространственные концепции ('вершина', 'середина'), 4) части предметов ('ветка', 'рукоятка'), 5) физическое и психологическое состояние ('сила', 'боязнь'), 6) номи-

нализация, т.е. ситуации, где объект посессора выражен отглагольным существительным ('его пение') (Heine 1997 : 10; см. также Seiler 1983 : 13; The Grammar of Inalienability 1996 и т. д.).

Другие авторы вместо дихотомической классификации предлагают более сложный подход. Так, на примере европейских языков Ш. Балли вводит понятие «личной сферы» (*sphère personnelle*), обозначая совокупность частей тела, предметов, существ, связанных с личностью, причем настоящее явление в европейских языках выражается не на именном, а на клаузальном уровне, например, случаи «возведения посессора» (см. Журинская 1979 : 301; Seiler 1983 : 13—14; Chappell, McGregor 1996 : 5). Вслед за Ш. Балли Х. Зайлер предлагает употреблять термин «присущая» (*inherent*) посессия, которая в языках имеет градацию по «шкале интимности» (*the scale of intimacy*), и обозначает приближенность или удаленность предмета от эго (посессора) (Seiler 1983 : 12—13). Интересную градацию относительно «степени неотчуждаемости» предлагает и А. Головачева (1983 : 21—24). С другой стороны, предлагается акцентировать внимание на обязательном и необязательном характере предметов (Seiler 1983 : 13; Heine 1997 : 20), где в первом случае обязательно наличие обладаемого у посессора. При этом не все неотчуждаемые предметы могут иметь обязательный характер, например, имена, выражающие свойства или термины родства по нисходящей и горизонтальной линии, не являются обязательными.

1.2.3. Грамматическое выражение категории

Перечисленные лексические группы имеют семантический принцип классификации. С другой стороны, Дж. Николс утверждает, что рассматриваемые имена скорее обладают структурной оппозицией, нежели семантической. В языках, имеющих оппозицию отчуждаемости и неотчуждаемости, существует разная система посессивной маркировки, таким образом, данные лексические классы являются не кросслингвистически постоянными, а всего лишь иерархией имен, определяемой разной маркировкой (Nichols 1988; 1992 : 117, 121).

Важной грамматической особенностью неотчуждаемой посессии является ее широкое выражение в атрибутивной посессии, поскольку естественная посессия не нуждается в предикативном оформлении факта обладания или принадлежности (Чинчлей 1996 : 102—103; Heine 1997 : 172; Seiler 1983 : 83—83; 2001: 28; Селиверстова 1973 : 99 и т. д.).

По мнению Дж. Николса, явление грамматической оппозиции неотчуждаемости и отчуждаемости присуще языкам, где маркировано главное слово (*head-marking*). В языках, где посессивный маркер принимает зависимое слово (*dependent-marking*), морфологической оппозиции не наблюдается (Nichols 1988 : 577; 1992 : 117). При наличии местоименных маркеров в некоторых языках (во многих меланезийских) оформляются только неотчуждаемые имена (Журинская 1977 : 199—200; 1978 : 17), а также в селькупском, нганасанском (Ким 1986 : 86—98) и т. д. Языки могут иметь два посессивных маркера: один для неотчуждаемой принадлежности, другой — для отчуждаемой, например, адыгейский (Иванов 1975 : 63; Koptjevskaja-Tamm 2003 : 703—705), бес-

леневский диалект кабардинского языка (Koptjevskaja-Tamm 2003 : 703—705). Если неотчуждаемая посессия выражается немаркированной конструкцией, отчуждаемая нуждается в специальной маркировке (Chappell, McGregor 1996 : 5; Nichols 1992 : 117; Heine 1997 : 172 и т. д.). Типологические исследования показывают, что в некоторых языках неотчуждаемая посессия имеет обязательный характер маркировки (Nichols 1992 : 122; Seiler 1983 : 20). По мнению ученых, способы маркировки неотчуждаемой посессии самые архаичные (Nichols 1992 : 117; Heine 1997 : 172; Seiler 2001 : 28).

1.2.4. Синтаксис неотчуждаемых имен

Имена с семантикой неотчуждаемости имеют особенности и в синтаксическом выражении. Главным фактором при этом является семантическое отношение глагола и неотчуждаемого имени. Ученые зачастую выделяют классификацию транзитивных, статистических, динамических и иных отношений, либо семантическую классификацию глаголов воздействия, либо модели воздействия (Категория 1989; Долинина 1996 и др.).

Кроме того, принято выделять такое явление, как «возведение/поднятие посессора» либо «внешняя посессия», ср. англ. *external possession, possessor ascension, possessor raising, possessor promotion*.¹ Внешняя посессия выражает такое синтаксическое отношение, при котором посессор является прямым/центральным аргументом глагола (*core argument*) и не представляет единого синтаксического/атрибутивного сочетания с обладаемым (External possession 1999 : 3; Heine 1997 : 13, 163—172; Chappell, McGregor 1996 : 6; Herslund, Baron 2001 : 15). Посессор в этом случае может быть субъектом, прямым или косвенным объектом или дативом, в эргативной или абсолютной форме, в некоторых языках — атрибутивным местоимением или местоименным аффиксом, а предикат — иметь интранзитивное, транзитивное и дитранзитивное свойство (External possession 1999 : 3; Chappell, McGregor 1996 : 6; Herslund, Baron 2001 : 15—17), ср. рус. *Врач обработал больному рану* (Podlesskaya, Rakhilina 1999 : 509).

Однако Б. Хайне не согласен с перечисленными названиями и предлагает термин «посессивная спецификация» (*possessive specification*), выделяя при этом четыре типа посессивной спецификации: 1) X is affected at body-part Y; 2) Z affects X at body-part Y; 3) Body-part Y is affected at/to/for possessor X; 4) Z affects body-part Y at/to/for possessor X, где 1 и 3 отличаются тем, что имеют третьего референта (Z), 3 и 4 выражают воздействие на часть целого, а 1 и 2 — воздействие на целое через часть (см. подробнее Heine 1997 : 163—172).

«Возведение посессора» иногда дает обратный эффект — опущение посессора (*possessor deletion*), т. е. в конструкции предполагаемый посессор грамматически не выражен (Seiler 1983 : 18; Heine 1997 : 171). В этом отношении, интересны примеры из языка эве, где при опущении посессора у терминов частей тела референт устанавливается синтаксическим путем (агент и посессор являются кореферентами), при

¹ Некоторые ученые различают понятия «возведение посессора» и «внешняя посессия». Подробнее см. External possession 1999 : 6—8; Heine 1997 : 163—167.

опущении посессора у имен, выражающих пространство, родственников, — экстралингвистическими средствами, например, когда референтом служит адресат (Амека 1996 : 827).

1.3. Традиционный подход

Удмуртский — это типичный язык, в котором основным способом выражения притяжательности служат Рх. В парадигме Рх удмуртского языка наблюдается чередование Рх ед. ч. $-e \sim -i$: *žek-e* 'стол-мой', *žek-ed* 'стол-твой', *žek-ez* 'стол-его' и *nj̄r-i* 'нос-мой', *nj̄r-id* 'нос-твой', *nj̄r-iz* 'нос-его'. Принято считать, что $-i$ употребляется в словах, выражающих неотчуждаемую принадлежность.

Впервые понятие неотчуждаемости как отдельной категории в удмуртском языке отмечено Т. Тепляшиной в тыловайском говоре. По ее мнению, сущность данной категории в том, что лексемы, выражающие неотчуждаемую принадлежность, приобретают Рх с $-i$, а остальные — с $-e$ (1955 : 172). Она выделяет восемь групп имен, передающих семантику неотчуждаемой принадлежности и приобретающих $-i$: 1) части тела и отдельные органы (56 слов, из них некоторые составные, например, *нырул-ыз* 'верхняя губа-его'; встречается колебание огласовки — 12 слов, некоторые приобретают только $-e$ — 16 слов); 2) черты характера (15 слов, с $-e$ — 6 слов); 3) ряд названий родственных отношений (11 слов, из них три имеют и e -овую огласовку, в 13 словах выступает только e -овый показатель); 4) лексемы, выражающие временные и пространственные отношения (8 слов); 5) части неодушевленных предметов (19 слов), 6) элементы одежды (7 слов, из них три имеют e -овую огласовку); 7) субстантивированные прилагательные (4 слова), 8) относительные существительные, имеющие непосредственную связь с другими существительными (7 слов). Всего выделено 125 слов (многие из них составные), приобретающих показатель $-i$, плюс 17 слов с чередованием $-e$ и $-i$.

В. Лыткин отрицал наличие самостоятельной «категории неотчуждаемости» в удмуртском языке, предполагая, что чередование притяжательных форм и инструменталей $-e \sim -i$ в удмуртском языке представляет собой следы двух древних финно-угорских гласных непервого слога (1970 : 228). Он полагал, что i -овые формы восходят к словам с древним гласным непервого слога $*-e$, а e -овые формы — к словам с древним гласным на $*-a$ ($*-ä$). Для этого приводится список слов с этимологией, всего 85 (среди них также имена, не выражающие неотчуждаемость, но приобретающие посессивный показатель с $-i$): из них 39 на правильное соответствие уд. $-iz \sim$ ф.-у. $*-e$, 26 на соответствие удм. $-äz \sim$ ф.-у. $*-a$ ($*-ä$) — всего на правильное звукосоответствие 65 примеров; отклонения: удм. $-äz \sim$ ф.-у. $*-e$ — 11 примеров, удм. $-iz \sim$ ф.-у. $*-a$ ($*-ä$) — 9, всего — 20 примеров (Лыткин 1970 : 231—233).

С мнением Т. Тепляшиной о наличии категории «отчуждаемой и неотчуждаемой собственности» не согласны Д. Фокош-Фукс (Fokos-Fuchs 1963 : 217) и Э. Васои (Vászoly 1967 : 37). В. Кельмаков, разделяя их мнение, утверждает, что «дело здесь обстоит скорее с фонетическим явлением, нежели лексико-грамматическим» (1970 : 267; 1993 :

26). Он утверждает, что 1) противопоставление отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности встречается не регулярно; 2) не все слова из группы неотчуждаемой принадлежности оформляются *-j*-овым показателем; 3) в кукморском (как и в других диалектах и литературном языке) некоторые слова могут приобретать оба показателя (1970 : 267).

Основываясь на материалах В. Лыткина, В. Кельмаков выделяет три этапа формирования системы Rх: 1) фонетический (чередование *-j* и *-e*, возникшее по фонетическим причинам, впоследствии утрачена связь с фонетическими особенностями вокализма непервого слога); 2) семантический (позже произошла семантическая дифференциация: начала складываться особая группа существительных, объединенных общим значением неотчуждаемой принадлежности); 3) морфологический (под действием аналогии происходит постепенное поглощение небольшой *j*-группы существительных *e*-группой через промежуточную ступень варьирования у них форм на *-j* и *-e*, характерного как для литературного языка, так и для диалектов). На втором уровне смещение *e*-овых и *a*-овых основ протекало не беспорядочно, а строго в соответствии с семантикой: из группы с ф.-уг. **-e* (удм. *-j*) в другую перешли не имевшие значения неотчуждаемой принадлежности (*es* 'дверь', *jž* 'овца', *kjz* 'ель'), и наоборот, в эту группу из группы с ф.-уг. **-a*/**-ä* (удм. *-e*) перешли слова, обозначающие неотчуждаемую принадлежность (*ber* 'зад', *mjš* 'тыльная сторона', *pel* 'ухо', *pit* 'конец' и т. д.) (Кельмаков 1993 : 26–27).

На мой взгляд, эти утверждения не противоречат друг другу: Т. Тепляшина установила наличие неотчуждаемой категории в удмуртском языке и определила лексико-семантические группы слов, выражающих данное значение. В. Лыткин указал на исторический прецедент, который способствовал морфологическому выделению рассматриваемой категории, а В. Кельмаков описал процесс грамматикализации категории.

2. Лексико-семантическая характеристика неотчуждаемой принадлежности

Во многих языках, в которых нет специальных морфологических средств для неотчуждаемой посессии, классификация лексем с этим значением носит условный характер. В языках, имеющих специальную маркировку, градация более определенная. Языковой материал показывает, что в удмуртском языке наряду с Rх *-(j)e(C)* существует специальный посессивный формант *-j(C)*, передающий, как правило, значение неотчуждаемости имен, причем оно реализуется и вне посессивной сферы, например, такое же чередование происходит в форме инструменталю *-en* ~ *-jn*: *tir-en* '(с) топором' ~ *jjr-jn* '(с) головой'. Данный принцип я положила в основу классификации лексем с неотчуждаемой семантикой. Хотя регулярный статус рассматриваемого показателя и отрицается, на мой взгляд, существует четкий алгоритм его распределения.

Сегодня трудно сказать, сколько всего слов приобретают посессивную огласовку на *-j*. Здесь я опираюсь на данные Т. Тепляшиной (1955), В. Лыткина (1970), ГСУЯ (1962), И. Яковлева (1927), согласно ко-

торым в удмуртском языке более 155² слов получают посессивную огласовку на *-j*. Анализ показывает, что на современном этапе можно выделить следующие особенности образования притяжательной формы на *-j*: 1) лексико-семантические, 2) фонетические, 3) морфолого-синтаксические, 4) диалектные.

1) Имена со значением неотчуждаемой принадлежности, как правило, оформляются маркером *-j*, причем перечень этих слов в удмуртском языке свидетельствует о том, что неотчуждаемость понимается как отношение части к целому или выражает сильное релятивное отношение обладаемого и посессора, при этом слова одной семантической группы могут иметь разную степень релятивности. Заимствованные слова с неотчуждаемой семантикой не оформляются показателем *-j*: *vin-j* и *pič'ijez brat-e* 'младший брат-мой', *suzer-j* и *pič'ijez sestra-je* 'младшая сестра-моя'. Если слово сложное, то посессивная форма зачастую образуется по последнему компоненту.

2) С фонетической стороны, маркер *-j*

а) не приобретают следующие слова с неотчуждаемой семантикой: односложные с конечным гласным (*pi-je* 'сын-мой', *li-e* 'кость-моя', *ku-e* 'кожа-моя', *tj-e* 'легкое-мое', исключение — *ki-i* 'рука-моя'); двух- и более сложные с конечным гласным (*č'irtj-je* 'шея-моя', *č'ijnj-je* 'палец-мой');

б) с другой стороны, слова, не выражающие неотчуждаемую принадлежность, редко принимают посессивную огласовку на *-j* (односложные с конечным согласным: *tjl-iz* 'огонь-его', *nel-iz* 'стрела-его', *tel-iz* 'ветер-его'; слова, с древним согласным основы: *zundes-k-j* ~ *zundes-e* 'перстень-мой'). Слова с древним согласным могут принимать оба посессивных показателя, тогда *e*-овая форма употребляется с краткой основой, а *j*-овая с древним согласным (*žušk-iz* — *žuš-ez* 'желудок-его', *musk-iz* — *mus-ez* 'печень-его').

3) На морфолого-синтаксическом уровне чередование посессивных форм с *-e* ~ *-j*, возможно, в прошлом происходило во избежание формальной омонимии: имена, не передающие неотчуждаемость, приобрели Rх3Sg *-iz* для дифференциации посессивной и аккузативной³ форм с *-(j)ez*: *tjl-iz* '(его) огонь-его' — *tjl-ez* (*žyati*) 'огонь-Асс (зажги)', *tel-iz* '(его) ветер-его' — *tel-ez* (*žytiz*) 'ветер-Асс (поднял)'. Это предположение требует дополнительного исследования.

4) В диалектах удмуртского языка образование *j*-овой посессивной формы происходит неравномерно: зачастую в говорах северного диалекта *j*-овый формант приобретает больше слов, нежели в южных: сев. *вал-ы* ~ *вал-ьд*, сред. *вал-ыз*, южн., сред., удм. лит. *вал-э* 'лошадь-моя' (Кельмаков 1993 : 27; Образцы I 239); сев. *сузэр-ы* ~ *сузэр-ь* ~ *сурз-ы*, сред., южн. *сузэр-э* 'младшая сестра-моя' (Образцы I; II). Т. Тепляшина в тыловайском говоре (сев.) находит много слов, которые в литературном языке и южных диалектах не оформляются маркером *-j* (1955

² В данный список включены также имена, которые являются составными или сложными образованиями, имеют чередование в диалектах, напр., *meŋ'a-jez* ~ *meŋ'a-iz* 'грудь-его'. Сюда не включены имена с огласовкой на *-i*, напр., *tumi* 'мама-моя', *bubi* 'отец-мой'. Список не является исчерпывающим.

³ На современном этапе Rх3Sg, выражающий отчуждаемую посессию, формально совпадает с аккузативом ед. ч. *-(j)ez*.

: 172—178). В другой работе она отмечает, что там, где в литературном языке с терминами родства употребляется алломорф *-j*, в бесермянском диалекте появляется *-e*: *вонэ* 'младший брат-мой', *нөлэ* 'дочь-моя', *пин'алэ* 'ребенок-мой', *сузэрэ* 'сестра-моя', то же с другими терминами: *мөлкөдэ* 'желание, настроение-мое', *с'амэ* 'характер-мой, привычка-моя' и др. (Тепляшина 1975 : 198).

2.1.1. Части тела и внутренние органы человека

Это самая большая группа (более 70 слов), слова в ней наиболее регулярно приобретают *j*-овый показатель: *jjr-j* 'голова-моя', *njr-j* 'нос-мой', *jm-j* 'рот-мой', *jmnjr-j* 'лицо-мое', *ki-j* 'рука-моя', *pjd-j* 'нога-моя', *pjn-j* 'зуб-мой', *šim-j* 'глаз-мой', *pel-j* 'ухо-мое' и т. д.; внутренние органы: *šulm-j* 'сердце-мое', *žyšk-j* 'желудок-мой', *musk-j* 'печень-моя', *virser-j* 'вена моя', *lep-j* 'селезенка-моя', *šul-j* 'кишка-моя' и т. д. Данный принцип распространяется на животных: *bjž-iz* 'хвост-его', *šur-iz* 'рог(а)-его', *burd-iz* 'крыло-его' и т. д.

Согласно Т. Тепляшиной (1955 : 174—175), в группе есть слова, которые могут принимать оба показателя, что объяснимо фонетически:

а) многие имеют конечный гласный: *lj-iz* ~ *lj-ez* 'кость-его', *činj-iz* ~ *činj-ez* 'палец-его', *čelj-iz* ~ *čelj-ez* 'мизинец-его', *gižj-iz* ~ *gižj-ez* 'ноготь его', *gogj-iz* ~ *gogj-ez* 'пуп-его'. В литературном языке и в южных диалектах данные слова приобретают *e*-овый вариант;

б) варьирование происходит в словах с древним согласным: *kusk-iz* — *kus-ez* 'поясница его', *žyšk-iz* ~ *žyšk-ez* 'желудок-его', *musk-iz* ~ *mus-ez* 'печень его';

в) в составных или сложных образованиях: *suj pęskes-iz* ~ *suj pęskes-ez* 'запястье его' (Тепляшина 1955 : 174—175).

В рассматриваемой группе есть слова, которые приобретают только *e*-овую огласовку. В основном они не имеют значения сильной релятивности и могут восприниматься как частично отчуждаемый предмет или то, без чего человеческий организм может существовать: *tuš-ez* 'борода-его', *mijjk-ez* 'усы-его', *jjrši-jez* 'волосы-его', *dej-ez* 'грыжа-его', *zu-ez* 'щетина-его'. Человеческие выделения также не воспринимаются как часть тела: *djldj-jez* 'слюни-его', *sep-ez* 'желчь-его', *ur-ez* 'гной-его', *pęšam-ez* 'пот-его', *zjrijm-ez* 'сопли-его', *kjž-ez* 'моча-его', *sit'-ez* 'экскременты-его'.

2.1.2. Характер, свойства человека

Данная группа намного меньше (около шести слов). Видимо, из-за ограниченного круга понятий. Наиболее регулярно во всех диалектах они оформляются, как *lul-j* 'душа-моя', *šam-j* 'характер, нрав-мой', *mjlkjd-j* ~ *mjl-j* ~ *mjl-j-kjd-j* 'настроение, душевное состояние-мое', *tusbuj-j* ~ *tus-j* ~ *buj-j* ~ *tus-j-buj-j* 'образ, лицо-мое' и т. д. Чередование также происходит, когда появляется древний согласный: *vjrosk-iz* ~ *vjros-ez* 'повадки, поведение-его'. В этой же группе Т. Тепляшина рассматривает такие человеческие качества, как ум, доброта, стыд.

2.2. Части и стороны неодушевленных предметов

Это вторая по величине группа (около 40 слов). Особенность ее в том, что почти нет варьирования по диалектам. Сюда можно отнести слова, выражающие пространственно-ориентировочное значение и естественные части предметов. Лексемы этой группы, как правило, употребляются с Рх 3-го лица.

2.2.1. Стороны предметов

Основную часть группы составляют существительные (около 20), выражающие стороны предметов: *jil-iz* 'кончик, вершина-его', *tjšk-iz* 'тыльная часть-его', *put-iz* 'конец-его', *až-iz* 'передняя сторона-его', *ber-iz* 'задняя часть-его', *ul-iz* 'низ-его', *bur-iz* 'правая (сторона)-его', *pall'an-iz* 'левая (сторона)-его' и т. д. При наличии или отсутствии древнего конечного согласного у некоторых слов нет чередования *-e ~ -j*: *pušk-iz ~ puš-iz* 'внутренняя часть-его', *pjdesk-iz ~ pjdes-iz ~ pjds-iz* 'дно-его'.

2.2.2. Части предметов

В этой группе (около 13 слов) рассматриваются *kal-iz* 'веревка, ручка-его', *njd-iz* 'рукоятка-его', *šem-iz* 'скорлупа, шелуха-его', *kem-iz* 'кожура-его', *kuk-iz* 'ножка-его', *ner-iz* 'рогоза-его', *modos-iz* 'ствол-его', *vaj-iz* 'ветка-его', *vužer-iz* 'тень-его'.

Сюда же можно отнести лексемы, обозначающие детали одежды (около семи слов): *sajes-iz* 'рукав-его', *šires-iz* 'ворот (мужской рубашки)-его', *sezul-iz* '(составной) подол-его', *birdj-iz ~ birdj-jez* 'пуговица-его', *vurjs-iz* 'шов-его'.

2.3. Слова с сильной релятивной семантикой

Абстрактные или нематериальные понятия, которые не могут существовать без родового понятия, в удмуртском языке тоже приобретают посессивную огласовку *-j*, причем этот признак не обязателен (примерно 24 слова): *dun-iz* 'цена-его', *zjn-iz* 'запах-его', *tus-iz* 'цвет, форма-его', *šem-iz* 'вкус-его', *ner-iz* 'повод, причина-его'.

В этой же группе уместно рассматривать слова, выражающие некоторые качества человека: *nim-iz* 'имя-его', *žečk-iz ~ žeč-ez* 'доброта-его', *vižm-iz ~ viž-ez* 'ум-его'. В отдельных диалектах, в частности в тыловайском говоре, так же оформляются и другие относительные понятия: *čeber-iz* 'красота-его', *vožjt-iz* 'стыд-его', *kužjm-iz* 'сила-его' (Тепляшина 1955 : 175).

Некоторые слова, имеющие временное значение, тоже мыслятся как релятивные: *aresk-iz ~ ares-ez* 'возраст-его', *arlijd-iz* 'возраст-его', *djr-iz* 'время-его', *nunal-iz ~ nunal-ez* 'день-его'.

2.4. Термины родства

В ходе исследования выявлено, что среди примерно 11 терминов родства только три относительно регулярно в диалектах и литературном

языке приобретают посессивную огласовку *-i*: *vjn-iz* 'младший брат-его', *suzer-iz* ~ *surz-iz* ~ *suzer-ez* 'младшая сестра-его', *njl-iz* 'дочь-его', но *pi-jez* 'сын-его'. По моим данным, слово *suzer* наиболее регулярно приобретает Rх *-i* в северных говорах удмуртского языка, а Rх *-e* — в срединном, южном и периферийно-южном диалектах. *i*-овая огласовка встречается в некоторых составных терминах, что скорее обусловлено особенностью последнего компонента, ср. *pinal-iz* (от *pi* 'мальчик' + *njl* 'девочка') 'ребенок-его', *iškavjn-iz* (*iškan* 'ближайший друг (женщины)' + *vjn* 'младший брат') 'родственник, сосед-его', *kuzpal-iz* (*kuz* 'пара' + *pal* 'сторона, один из пары') 'супруг(а)-его'. Другие термины родства в некоторых диалектах также оформляются показателем с *-i*: тыл. *айымурт-ыз* 'свекор ее', *чыжы-выжы-ыз* 'родственник его' (удм. лит. *чыжы-выжы-ез*) (Тепляшина 1955 : 175), кукм. *чужморт-эд* ~ сред. *чужмурт-эд* 'твой дядя (по матери)' (Кельмаков 1993 : 27). Т. Тепляшина сюда же относит формы *муми* 'мама моя', *буби* 'отец мой' (1955 : 175). Остальные термины родства оформляются *e*-овым показателем: *apaj-ez* 'мать-его', *ataj-ez* 'отец-его; дядя-его', *čižodig-ez* 'дядя (по материнской линии)-его', а также термины, выражающие не собственно родство: *kjšno-jez* 'жена-его', *kart-ez* 'муж-ее', *ičmeñ-ez* 'невеста младшего брата-его' и т. д.

Судя по материалу, в удмуртском языке неотчуждаемость, оформляемая *-i*, реализуется в терминах родства по нисходящей линии (*njl* 'дочь', *vjn* 'младший брат', *suzer* 'младшая сестра'). Слово *pi* 'сын' не имеет *i*-ового оформления скорее по фонетическим причинам. Очевидно, что в терминах родства дифференциация неотчуждаемости происходит по принципу субординации младшего поколения старшему, что, видимо, отражает взаимоотношения в удмуртской семье.

Термины *njl* и *pi* в удмуртском языке обозначают как собственно, так и не собственно родство: 1) 'дочь' и 'сын', 2) 'девочка, девушка' и 'мальчик, юноша'. Дифференциация осуществляется с помощью Rх, который обязателен в случае родства и при этом выражает посессию, а во втором случае — факультативен и выражает либо детерминацию, либо ласкательность и вокативность.

Патронимы *бубиз* > *бубы+йэз* 'отец-его', *мумиз* > *мумы+йэз* 'мать-его', *меми-йэ* 'мать-моя', *дай-э* 'отец-мой', *мумы-йэз* 'мать-его', *айи-муми* > *айы+йэ* — *мумы+йэ* 'родители-мои', *мэми-ø!* 'мать! мама!', *атай-ø!* 'отец! папа!' (Образцы I; II) и т. д. не стоит относить к группе неотчуждаемой посессии, поскольку 1) они не соответствуют семантическому принципу субординации, скорее подчиняют, нежели подчиняются; 2) имеют иное морфологическое выражение: часто в посессивной форме приобретают формант *-i* или *-e*, некоторые слова уже в номинативе имеют конечный *-i* (или *-aj*, *-ej*), что говорит о специфическом статусе данных терминов, а именно — употреблении в вокативной и ласкательной форме.

2.5. Дополнительные замечания

Как показывает материал, язык, хоть и не стабильно, но дифференцирует отношение неотчуждаемости Rх *-i* и отношение отчуждаемос-

ти Rх -е. Некоторые имена с семантикой неотчуждаемости в силу фонетических или иных причин, не приобретают посессивного показателя *-j* (*čjrtj-je* 'шея-моя', *lj-e* 'кость-моя', *meŋa-je* 'грудь-моя'), но это не означает, что язык определяет их в класс слов с отчуждаемой семантикой. Можно утверждать, что неотчуждаемая посессия в удмуртском языке выражается с помощью как *j*-овой, так и *e*-овой посессивной морфемы, при этом древние удмуртские слова с простым фонетическим составом и конечным согласным, как правило, оформляются показателем *-j*, а слова с конечным гласным или производные более позднего периода — *-e*. Так, каждая рассмотренная группа может быть дополнена словами, которые приобретают *e*-овый Rх, но семантически выражают неотчуждаемость. Во-первых, сюда относятся все «исключения». К словам с сильной релятивной семантикой можно также отнести производные *žučdala-jez* 'высота-его', *bižžala-jez* 'размер-его', *kuždala-jez* 'длина-его', *paštala-jez* 'ширина-его'; к терминам родства — *pi-je* 'сын-мой' и не собственно термин родства *pinal-j* 'ребенок-мой'.

Встречаются и примеры плеонастического употребления обоих показателей *-j* и *-e* для выражения особо близкого, сочувственного отношения говорящего к предмету, а также обращения. Причем, в таких сочетаниях *j*-овый показатель предшествует *e*-овому. Возможно, первый ассоциируется с функцией субъективной оценки, а второй — вокативной: *ōc-ы-e* 'дверца [ты] моя', *зор-ы-e* 'дождичек [ты] мой' и т. д. (см. подробнее Кельмаков 1996 : 135).

(1) э, п е л'-ы-э, п е л'-ы-э, вукйал'эм но люд, дыр 'Ах [ты], м о е у ш к о, м о е у ш к о, в ракушку да превратишься [ты], наверно' (Образцы I 76).

Исследование показало, что употребление в речи некоторых отчуждаемых имен, оформляемых *e*-овой посессивной формой, практически не отличается от неотчуждаемых, например, некоторые слова только в редких случаях не приобретают Rх. Видимо, удмуртскому языку свойственна градация имен по особенности отношения к референту: 1) предметы не могут существовать без референта, поскольку являются его частью (неотчуждаемые предметы). 2) предметы не могут существовать без референта, но окказиально могут отделяться, далее предметы с высокой степенью референтности (полуотчуждаемые имена типа: *mijik-ez* 'усы-его', *jyrši-jez* 'волосы-его', *kuar-ez* 'лист-его (дерева)'; собственно и не собственно термины родства по восходящей линии; продукты и результаты духовного и физического действия человека, как *veram-ez* 'сказанное-его'; части предметов, например, *ukno-jez* 'окно-его', *es-ez* 'дверь-его'; 3) предметы существуют отдельно и референта имеют окказиально, далее имена со средней степенью референтности (например, предметы быта человека, орудия труда). 4) предметы существуют независимо и редко имеют референта, далее имена с низкой степенью референтности (природные явления, абстрактные понятия и т. д.). Последние могут иметь референта при условии юридически установленной принадлежности, либо ассоциативным способом, т. е. не выражать собственно принадлежность.

(2) *Сумкаысь тыз котырес синучкон-з-э поттыса, Фаина йырси-з-э жогак тупатяз но кабинет-Ө-лэсь ёс-с-э усътыз* 'Вынув круглое зеркало(-е е) из сумочки(-е е), Фаина быстро поправила волосы(-е е) и открыла дверь(-е го) кабинета' (Красильников 10).

В настоящем примере практически все имена имеют грамматически выраженный референт (антицедент *Фаина* и его анафорическое выражение *Рх* и именной посессор *кабинет*). Если у имен со средней степенью референтности *сумка* и *зеркало* опустить *Рх*, это не будет грубой ошибкой, если *Рх* опустить у имени с высокой степенью референтности *волосы* и *дверь* — то это будет грамматической ошибкой (в случае *дверь кабинета* наличие *Рх* также определено особенностью конструкции). В настоящем примере *кабинет* ситуативно не имеет референта.

3. Грамматическое выражение неотчуждаемой посессии

В одной статье я писала, что посессивность на атрибутивном уровне в удмуртском языке может быть представлена множеством конструкций, имеющих семантическую, функциональную и синтаксическую дифференциацию (см. Edygarova 2009). Руководствуясь классификацией Дж. Николса (Nichols 1986; 1988; 1992; см. также Коптјевская-Тамм 2003), можно утверждать, что в удмуртском языке основными способами ее маркировки являются 1) маркировка главного слова (обладаемого) (*head-marking*), что выражает конструкция имени с *Рх* (N-*Рх*); 2) двойная маркировка (*double-marking*), выражаемая генитивными конструкциями, N-Gen N-*Рх*, N-*Аbl* N-*Рх*-*Аcc*; 3) отсутствие маркировки или примыкание (*no marking, juxtaposition*), ср. N-*Nom* N. Кроме того, в удмуртском языке существуют 4) конструкции с маркированным зависимым словом (*dependent-marking*), где в качестве маркера употребляются локативные падежи, в основном элатив, а сама конструкция обозначает пространственную или частичную принадлежность, ср. N-*El* N. Для обозначения физической посессии также употребляется конструкция с маркированным зависимым словом, но в этом случае посессор является главным словом, а обладаемое — зависимым. Словообразовательный суффикс *-o* обозначает перманентную физическую посессию, а инструменталь — временную: N_{Рm}-*o* N_{Рr}, N_{Рm}-*Inst* N_{Рr}.

3.1. Маркировка главного слова

В удмуртском языке посессор у неотчуждаемых имен чаще всего выражается *Рх*, ср. *ki-j* 'рука-моя', *ji-r-j* 'голова-моя'. В речевом процессе специфика рассматриваемых слов проявляется в том, что они практически никогда не употребляются без *Рх*. Данное свойство объединяет их с именами высокой степени референтности. Посессивные суффиксы в первую очередь указывают на личную посессию. *Рх* 3-го лица также может определять предметную посессию, причем он употребляется самостоятельно только в том случае, если антицедент можно идентифицировать. При этом анафорическая связь устанавливается

синтаксическим способом, т. е. референт присутствует в высказывании, либо в дискурсе, либо определяется экстралингвистическими способами, т. е. адресат может догадаться, кто или что является референтом.

(3) *Георгий Ильич с и н - з - э жутїз, Фаинаез й ы р ы с е н ы - з п ы - д о з я - з учкиз* 'Георгий Ильич поднял глаза (глаз-его), посмотрел на Фаину с головы(-ее) до ног (ноги-ее)' (Красильников 129).

Референты присутствуют в высказывании (Григорий Ильич и Фаина).

(4) *Лампа югыт шорын тусбу й - ы з кӱшкемыт адзиське* 'При свете лампы [его] в ид(-его) кажется ужасающим' (Красильников 55).

Референт не выражен в предложении, но (некто Матвеев) упоминался ранее.

(5) *а з'ы з кыти кэ питра, бэры з но оти ик питра* 'Переднее (перед-его) [колесо] где катится, и заднее (задняя часть-его) там же катится' (Образцы I 99).

Референт или целый предмет (колесо) формально отсутствует, но подразумевается. Опускание Rх в примерах будет грубой ошибкой.

Однако опущение посессора возможно в высказываниях, где имя с семантикой неотчуждаемости носит обобщенный характер, т. е. не имеет референта.

(6) *ваз'эн дырїа пил'эм туж улын вылэм. кийын суз'ыны луэ, пэ, вал* 'Оказывается, в старину облака находились очень низко. [Даже] рукой, говорят, можно было достать' (Образцы I 138).

Кроме того, Rх может опускаться при эгоцентрическом дискурсе с именами, обозначающими части тела, духовное состояние человека, а также при высокой степени референтности, когда говорящий и референт совпадают, т. е. опускается Rх 1-го лица. С терминами родства с семантикой неотчуждаемости такое употребление невозможно.

(7) *Нуназе жадисько, пы дъ ёс уг чидало* 'Устаю днем, ноги-Ø не терпят' (Красильников 118).

Понятно, что говорящий подразумевает свои ноги. Опускание Rх происходит и в других конструкциях (см. 3.2, 3.3, 3.5, 4).

Имена, выражающие стороны предмета, в сочетании с Rх в речи зачастую встречаются в функции наречий. Такое образование в литературе принято называть по-разному (см. Майтинская 1955 : 275; Бубрих 1949 : 104; Ким 1986 : 110—111; Кокла 1963 : 170).

(8) *А з ь п а л а - м потїз* 'Вышел мне навстречу (перед-мой)' (Красильников 101).

Необходимо отметить, что рассматриваемая группа имен в речи может вести себя по-разному: неотчуждаемые имена в определенных ситуациях приобретают иное содержание и другую огласовку.

(9) *зök йы р - э з «кэм тыныд» шуэм одот'лы, макэ өвёл с'икын э-н вэ-рас'кы* 'А Большая голова-ее (большая голова-ее) [муж] ответил Одоть: «Так тебе и надо!», не болтай, мол, чего не надо, в лесу' (Образцы I 119).

(10) *ма оз' лэс'тид, куз' бы ж-э?* — *йуа кэч* 'Что ты натворил, длинный хвост-мой? — спрашивает коза' (Образцы I 65).

Йыр 'голова' и *быж* 'хвост' в литературном языке и в диалектах в значении части тела употребляются с *i*-овой огласовкой. В данном случае слова имеют нарицательное значение и огласовку на *-e*.

3.2. Отсутствие маркировки

Неличная неотчуждаемая посессия, как правило, передается примыканием обладаемого и обладателя, где последний предшествует первому: *tir niđ* 'рукоятка топора (букв. топор рукоятка)', *skal jir* 'голова коровы или коровья голова (букв. корова голова)'. Наличие именного посессора обусловлено тем, что посессор является новым референтом. Тем не менее, настоящая конструкция имеет семантические ограничения, т. е. посессор не определен, ср. *azbar šor* 'середина двора' и *kijē-ti daur-len šora-z* 'в середине XX века'. При определенном посессоре (второй пример) употребляется генитивная конструкция. Отличает эти конструкции то, что обладаемое никогда не принимает R_x, указывающий на посессор сочетания. Притяжательное оформление объекта посессии возможно и обязательно в случаях, где есть или подразумевается другой второй референт.

(11) *Заки йырыз курен сапег ныр-ын-ыз поглян борды чыжиз* 'Заки от злости пнул кончи ком (нос-Inst-3Sg) сапога колесо' (Красильников 91).

В данном примере R_x указывает не на посессора сочетания *сапег* 'сапог', а на другого референта — Заки. В этом примере R_x не может присоединиться к определяющему компоненту сочетания **Заки сапег-ез ныр-ын* 'Заки сапог-3Sg нос-Inst'.

Выражающие стороны (иногда и части) предметов слова в локативной форме в примыкаемых сочетаниях представляют послеложные или похожие образования.

(12) *н'ук йылыс' шэtti кыз выжыыс' кулэм жаз'эг* 'На верховье оврага (с верховья оврага) [я] обнаружил под елью (от корня ели) мертвого гуся' (Образцы II 225).

Слово *ki* 'рука' в современном удмуртском языке в примыкаемых конструкциях также имеет свойство послелога и выражает в сочетании с элативом аблативное, а в сочетании с инессивом — адессивное отношение.

(13) *Фаина ишкалтыса кадь басытйз Глаша кийсы газетэз* 'Фаина, как будто оторвав, взяла газету у (из руки) Глаши' (Красильников 150).

(14) *А т а - е з к и ы с ь ч и п е е з а д ̣з и з 'У о т ц а (и з р у к и о т ц а - е г о (м а л ь ч и к а)) [мальчик] увидел щуку'* (Kel'makov, Saarinen 67).

Подобные выражения мы не рассматриваем в качестве посессивных конструкций, поскольку 1) выражающие стороны предметов слова здесь потеряли статус самостоятельного имени, 2) Рх может присоединяться либо к определяющему, либо к определяемому слову: *žek-e uljn ~ žek ul-a-m 'под моим столом'*. Этот же факт позволяет относить слово *ki 'рука'* в примерах (13) и (14) к группе послелогов.

Рассматривая генитивные конструкции, В. Вахрушев утверждает, что показатель генитива у местоимений (личных и усилительно-личного *as 'свой'*) иногда может опускаться, тогда на посессор указывает только Рх. Он приводит такие примеры: *Тон кия-д со 'В твоих руках (у тебя) это'*, *Ми кия-мы кык книга 'В наших руках (у нас) две книги'* (Вахрушев 1970 : 104). Однако материал показывает, что такие примеры редки. Рх здесь, как правило, не появляется. Наличие Рх возможно при условии, что рассматриваемые компоненты не относятся к одному словосочетанию: [*Mi [kijamj] kjk kniga vožiškomj*] 'Мы держим в руках две книги', [*Milam [kijamj] kjk kniga*] 'У нас в руках две книги' и [*Ton [kijad] kniga vožiškod*] 'Ты держишь в руке книгу'. Другими словами, здесь мы имеем дело с примыкаемыми конструкциями и при употреблении с личными местоимениями второй компонент не имеет притяжательного оформления.

(15) *Од̣йг пол мон ки улысь-Ø кошкид, Соснов, нош табере уд ни!* 'Один раз вывернулся от меня (из моих рук), Соснов, но не теперь!' (Красильников 117).

(16) *Я, малы мон а з ы с ь -Ø уд кошкиське, малы?* 'Ну, почему не отстаёте (уходите) от меня (спереди меня), почему?' (Красильников 179).

При отсутствии личного местоимения Рх обязателен.

(17) *К у с п а - з ы соос тупаса уло* 'Они живут в ладу (букв. [Они] живут в ладу м е ж д у (-и х))' (Красильников 7).

Конструкции с усилительно-личным местоимением *as 'свой'* скорее пример примыкания, нежели особый тип притяжательной конструкции с опущением маркера генитива, см. примеры В. Вахрушева (1970 : 105): *ас пи-м-ес* 'нашего собственного сына', *ас пи-д-эс* 'вашего собственного сына', *ас пи-з-эс* 'их собственного сына' и т. д. Рх указывает не на посессор *ас*, а на другой референт — в приведенных примерах на посессоры *мы, вы, они*.

Сочетания, в которых второй компонент обозначает части тела человека или животного, свойства человека, в качестве посессора часто имеют слова, выражающие определенный вид животного или пол, возрастную группу человека, т. е. определяют предмет по родовому признаку.

(18) *выж̣ вылти но ми потим в а л п ы д̣ но куарайа* 'По мосту да мы проехали по стуку да лошадиных копыт (ног)' (Образцы II 119).

В этом примере важно определение вида животного, но не его конкретно.

(19) *эктизы, эктизы но, пэ, пыдйоссы кун'ан пыд луизы* 'Плясали, плясали-де, и ноги у них превратились в телячьи (ноги)' (Образцы I 242).

(20) *ук ты'рмо вал пиосмурт киос* 'Не хватало мужских рук' (Образцы II 96).

С терминами родства при семантике неотчуждаемости конструкция выполняет нарицательную функцию. Так, относительно семейной иерархии человека можно назвать по отношению к самому старшему или «важному» представителю рода и его статусу к данному представителю. Объектом при этом является *njl* 'дочь' и *pi* 'сын', а посессором — мать, отец или другой старший родственник. Слова *suzer* 'младшая сестра' и *vjn* 'младший брат' в данной конструкции не участвуют. В рассматриваемом сочетании оба компонента часто выражаются именами собственными: *Пылька Сандыр* 'Филиппов Александр', *Педот Сергей* 'Федотов Сергей', *Лёграшка Семен* 'Егоров Семен' (2) и т. д. В примерах первое имя обозначает отца, второе — сына. Если термины *njl* и *pi* употребляются в значении не собственно терминов родства 'девушка' и 'мальчик, юноша', то определяемым выступает либо название деревни, либо семейное божество, тотем: *karsa pi* 'юноша из деревни Карсашур', *omga njl* 'девушка из рода Омга', *kučjran juri* 'Юрий из рода Совы'. Нередко такой семейной субординации подвергаются понятия *kjšno* 'жена', *ken* 'сноха, невестка' и т. п. В первом случае старшим в иерархии является муж, во втором — свекровь.

(21) *Ми н'ыл' куз'а вал: онтон миша, габипекла, куз'мовыр но мон* 'Мы были вчетвером: Онтон Маша (Антонова Маша), Габипекла (Гаврилова Фекла), Кузьмовыр (девушка из деревни Кузьмовыр) и я' (Образцы I 102).

(22) *Мама вера вал, прак, пэ, с'эн'ка пэд'акышно жил'-жил', жил'-жил' гынэ бөрдэ* 'Мама рассказывала, жена Сенькина Федиди так и, мол, обливалась (обливается), так и обливалась слезами' (Образцы II 77).

В сочетаниях с отчуждаемыми терминами родства первый компонент, выраженный именем собственным, означает личное имя, а второй — статус человека в функции обращения.

(23) *Марпакэнак туж йаратэ вал вина пöстын* 'Тетя Марфа очень любила варить самогон' (Образцы I 114).

(24) *Миколай агай, тон кызьы малпаськод?* 'Дядя Николай, а ты как думаешь?' (Медведев 28).

При обозначении родства с данными терминами употребляется генитивная конструкция: *тагра-len kenak-ez* 'тетя/жена брата Марфы', *mikolaj-len agaj-ez* 'дядя/старший брат Николая'.

3.3. Двойная маркировка

Особенность генитивных конструкций в том, что посессор выражен дважды: именем и Rх, причем последний обязателен. Другая особенность состоит в замене генитива с *-len* на аблатив с *-leś*, если обладаемое является прямым объектом: *student-len kníga-jez* 'книга студента (букв. студента книга-его)', *student-leś kníga-z-e ližžiško* 'читаю книгу студента (букв. студента книгу-его)'. Неотчуждаемые имена в данных конструкциях могут употребляться, если 1) посессор является неличным новым референтом, 2) посессор носит определенный характер, 3) посессор служит дополнением и обозначает локализацию.

Данная конструкция зачастую имеет одушевленного посессора, поскольку они, как правило, определенные.

(25) *Тани главной врачлэн курень пальтоез, дйсяназ но кузеезлен тус-ыз пыремын кадь* 'Вот коричневое пальто главного врача, кажется, что и одежде передался характер хозяина' (Красильников 10).

Материал показывает, что Rх иногда опускается, а именно в сочетаниях, где посессор является локализатором или тем, что И. Николаева в венгерском языке называет «внешним посессором» (Nikolaeva 2002). Опускание Rх чаще всего возможно при неотчуждаемых именах, ср. примеры В. Вахрушева (1970 : 101):

(26) *Помалэн мылкы д-ø так но сõриськемын* 'Настроение-ø у Фомы и так испорчено';

(27) *Гондыр-лэн сюлэм-ø уката куалекъяз* 'Сердце-ø у Гондыра еще больше задрожало';

а также при именах с отчуждаемой семантикой:

(28) *Вася-лэн ужъ ёс-ø умой мыно* 'Дела-ø у Васи идут хорошо' (Вахрушев 1970 : 101).

В аблативных конструкциях опускание Rх возможно только при отчуждаемых именах, когда аблативное дополнение не мыслится референтом: *Eše-leś go žtet-ø bašti* '[Я] получил письмо-ø от моего друга'. При неотчуждаемых именах всегда налицо Rх и аккузатив.

(29) *Тон мынэсьтым лул-ме утид* 'Ты спас мне душу(-мою)' (Красильников 21).

Удмуртскому языку свойственно несогласование в числе посессора и неотчуждаемого обладаемого, например, когда референт выражен формой множественного числа, неотчуждаемый объект посессии в единственном числе и только Rх указывает на множество обладателей.

(30) *Писпу-ос-лэн вужер-зы музъем вылэ валем чиборий шобрет кадь адзиське* 'Тени (тень-их) деревьев в кажутся (кажется) как расстеленные на земле разноцветные одеяла (одеяло)' (Красильников 29).

Иногда посессор представлен в единственном числе, а неотчуждаемый объект — во множественном. Это художественный прием, используемый в народных песнях.

(31) *Кучо гурт пумын одиг йубоэт сылэ, со йубо-лэн йылы-йос-а-з парэн сэтлык пукэ...* 'В конце деревни Люкшудья одинокий столб стоит, наверхушке (верхушках-его) того столба пара клеток стоит' (Образцы II 31).

Генитивные конструкции могут выражать также личную посессию, посессором при этом является личное местоимение в форме генитива или аблатива. Такой посессор появляется, как правило, в качестве «внешнего посессора».

(32) *Мын-ам пин'-ы сычэ мэд луоз на вал* 'Были бы у меня еще зубы (зуб-мой) такие' (Образцы II 189).

(33) *Поляедлы салам вера, кышно-ед тын-ад молодец* 'Поле своей привет передавай, жена(-твоя) у тебя молодчина' (Красильников 22).

(34) *Соин со-лэн кӧт-ыз вис'э, оло нош куск-ыз вис'э* 'Потому у нее живот(-ее) болит, а, может быть, поясница(-ее) болит' (Образцы II 185).

Местоименный посессор скорее является обстоятельственным дополнением и не относится к NP обладаемого, к которому относится только Rх.

(35) [[солэн] [[кӧт]-ыз] висе]
у нее живот-ее болит

В рассматриваемых конструкциях при эгоцентрическом дискурсе в некоторых диалектах Rх практически регулярно не появляется как с неотчуждаемыми, так и с отчуждаемыми именами.

(36) *Сычэ иңи мын-ам с'ам-ӧ* 'Такой уж у меня характер-ӧ' (Образцы II 267).

(37) *Бэриз', с'ас'ка со вылымтэ — ми-л'ам анай-ӧ со вылэм* 'Оказалось, это не липовый цвет, нашей сестрой (старшей)-ӧ (у нас сестра) она оказалась' (Образцы II 252).

В атрибутивной, или «внутренней посессии», видимо, местоименный посессор в типично удмуртском языке появляется редко. Необходимо отметить, что В. Вахрушев посессор и обладаемое в (26), (27) и (28) рассматривает как единое сочетание. На мой взгляд, здесь та же ошибка, что и в **Ми кия-мы кык книга* 'У нас в руках две книги'. О наличии здесь внешнего посессора говорят следующие факты: 1) в атрибутивных посессивных сочетаниях в удмуртском языке маркировка посессора возможна один раз (см. примыкаемые и послеложные конструкции); 2) имя приобретает обязательный Rх, если во внешнем окружении его NP присутствует референт, т. е. в данном случае генитивное (адессивное) или аблативное дополнение служит локализатором предмета, т. е. его референтом; 3) маркер посессора напрямую зави-

сит от глагола (чередование генитива и аблатива); 4) внешний посессор, как правило, занимает инициальное положение, т. е. типичное место обстоятельства в удмуртском предложении. Видимо, внешний посессор реализуется в случаях, когда обладаемое имеет форму номинатива, аккумулятива и местных падежей, а с другими субъектно-объектными падежами носит «внутренний характер» и выражается только именем.

(38) *Кылбур крезьгыр-лэн пуштро с-эз-лы тупа ке, пöрме выль кырзан.* 'Если стихотворение подходит содержанию музыки и, получается новая песня' (Инвожо 6—7 2006 : 34).

Такой подход объясняет, почему местоименный посессор не употребляется во «внутренней посессии» — тогда как именной посессор указывает на новый топик, на атрибутивный посессор — только Рх: *Мон *m̄n̄at v̄j̄n̄l-j̄ kn̄iga kūz̄maj* 'Я подарил книгу [*моему] младшему брату(-моему)'. Но местоименный посессор возможен во «внешней посессии» (32), (33) и (34), изредка он встречается и во «внутренней посессии».

(39) *Мар веранэз, тын-а дныр-ыны д ... не пропадешь* 'Что и говорить, с твоим носом(-твоим) (с носом, что у тебя есть) ... не пропадешь' (Медведев 15).

Во-первых, нос мыслится как самостоятельный объект, во-вторых, местоименный посессор имеет фокусированное значение.

Дифференциация «внутреннего» и «внешнего» посессоров скорее всего связана с особенностью грамматикализации современного генитива, бывшего локативного (адессивного, аблативного) падежа, употребление которого было возможно только с объектами в локативной, номинативной и аккумулятивной формах, поскольку им обычно предшествует обстоятельство (причем локативному обстоятельству может предшествовать другое локативное обстоятельство). Впоследствии, видимо, адессив полностью грамматикализировался в генитив и стал употребляться также с объектами в других косвенных падежах.

3.4. Маркировка зависимого слова

Неотчуждаемые объекты в элативных конструкциях употребляются крайне редко и при условии, что у определяющего несколько таких неотчуждаемых объектов и референты указывают на место.

(40) *Иремель гурезь-ысь бамаль-ёс 'склоны-Ел горы Иремель'* (Инвожо 1—2 2007 : 64).

Здесь присутствуют оба фактора: гора состоит из нескольких неотчуждаемых частей — склонов, а сама понимается как место.

Уже говорилось, что удмуртский язык дифференцирует темпоральную и перманентную физическую посессию. В конструкциях с таким значением зависимым является обладаемое, а посессор — главным компонентом. Первое значение реализуется с помощью маркировки зависимого слова инструменталем, причем зависимое слово, как правило, выражается отчуждаемым именем; второе — с помощью слово-

образовательного суффикса *-(j)о*. Значение перманентности зачастую совпадает с семантикой неотчуждаемых имен, но не всегда: *galstuk-en piosmurt* 'мужчина в галстукe (букв. с галстуком)' и *šed jirši-jo piosmurt* 'черноволосяый мужчина'.

(41) *Улэм-вылэм с'ирота, к а т' а н' и м о н ы л* 'Жила-была сиротка, девушка по имени Катя (с именем Катя)' (Образцы I 82).

(42) *Шоразы востэм тусо, мыйыко казакпи* 'Посередине скромный (со скромным видом), усатый молодойчик' (Красильников 34).

(43) *Дышэткэм мурт — с'инмо мурт* 'Грамотный (ученый) человек — зрячий (с глазами) человек' (Образцы I 271).

В рассматриваемой конструкции широко употребляются и отчуждаемые объекты, зачастую они выражают состояние природы.

(44) *Нунал чебер вордйськис: куазь шунды ё, тöлыз öвöл* 'День хороший удался: солнечно (погода солнечная), ветра нет' (Красильников 7).

Обе конструкции как типичные сочетания, выражающие значение обладания/наличия, имеют негативный вариант, т. е. означают отсутствие одного предмета у другого. В этом случае объект приобретает продуктивный словообразовательный суффикс *-тет*.

(45) *Жаль потйз со, с у й т э м - н ы д т э м к ы л е м н у н ы к а д ь*. 'Ему стало жаль ее, как ребенка, оставшегося без рук-ног (бук. без руки-ноги)' (Медведев 10).

3.5. Предикативные конструкции

В предикативной посессии в качестве предмета обладания выступают в основном необязательные предметы, тогда как посессия неотчуждаемого предмета уже выражена в семантике объекта посессии (Чинчлей 1996 : 102—103; Heine 1997 : 172; Seiler 1983 : 83; 2001 : 28; Селиверстова 1973 : 99 и т. д.). Удмуртский язык не составляет исключения, поэтому употребление неотчуждаемых предметов в *иметь*-конструкциях соответствует другим языкам, а именно 1) в общих высказываниях (X принадлежит к классу предметов, где у каждого представителя есть часть Y (46)), 2) в общих отрицательных высказываниях (X принадлежит к классу предметов, где ни у кого нет части Y (47)), 3) в частных отрицательных высказываниях (у X нет части Y, но она предполагается (48)), 4) в конструкциях, где обладаемое имеет атрибут (у X есть/нет именно определенная часть Y (49)) (Категория 1989 : 52—53). *Иметь*-конструкция здесь рассматривается как классическая конструкция с предикатом *van'* 'есть, имеется', ср. *Stud'ent-len kniga-jez van'* 'У студента есть книга' и негативный вариант: *Stud'ent-len kniga-jez evgl'* 'У студента нет книги'.

(46) *Татын борддор-лэн но пельёс-ыз вань* 'Здесь и у стены есть уши' (Красильников 79).

(47) *эгэс-лэн пум-ыз өвөл* 'Обруч не имеет конца' (Образцы II 152).

(48) *с'уанчиос шуо: кулэ өвөл тауз молдушкады мил'эм: ма та-лэн пин'-ыз но өвөл* 'Свадебщики говорят: «Не надо нам этой вашей невесты: ведь у нее (у этой) и зубов-то нет» (Образцы I 226).⁴

(49) *Яратон-лэн паймымон но өжытак кескичгес сям-ыз вань.* 'У любви есть удивительный и немного хитрый характер' (Красильников 76).

В предикативных высказываниях без посессивного предиката *vañ* неотчуждаемые предметы употребляются намного шире и естественнее, поскольку акцентируется не наличие у посессора обязательного предмета, а качество объекта, т. е. выполняется условие 4.

(50) *Син'ыс-лэн быж-ыз куэ — кыццы кэ но вуттоз. с'урэс.* 'Хвост у нитки длинный — куда-нибудь да доведет. Дорога' (Образцы II 155).

Материал показывает, что неотчуждаемые имена чаще употребляются не в конструкциях с предикатом *vañ* 'есть, имеется', а в конструкциях, выражающих перманентную физическую посессию с суффиксом *-(j)о*. Отрицательное значение, соответственно, передается конструкциями с показателем *-тет*.

(51) *Мынам йаратонэ купырэс ныр-о* 'У меня любимый курносенький' (Образцы I 101).

(52) *Учко, пе, но, эш-сы йыр-тэм* 'Смотрят-де, а других без головы' (Инвожо 11—12 2006 : 2).

Если в высказываниях с предикатом *vañ* посессором является 1-е или 2-е лицо, то он опускается.

(53) *Я учком, кыл-ыд вань на меда* 'Давай посмотрим, есть ли [у тебя] еще язык(-твой)' (Красильников 144).

4. Синтаксис неотчуждаемых имен

Удмуртский язык не имеет специального маркера для эффекта «возведения посессора» (как датив в русском и других европейских языках). Как уже говорилось, грамматический посессор у неотчуждаемых имен, а также у имен с сильной степенью референтности присутствует практически всегда и выражен чаще всего только Rх. Видимо, в рамках «возведения посессора» на материале удмуртского языка следует говорить о внешнем статусе посессора. С другой стороны, необходимо иметь в виду а) опущение именного/местоименного посессора или Rх, либо а) абсолютное опущение посессора.

По классификации Б. Хайне, в удмуртском языке выделяются следующие типы «спецификации» или взаимосвязи посессора и объекта посессии:

⁴ По традиции на удмуртской свадьбе перед тем, как вывести настоящую невесту, принято выводить переодетую в невесту старую женщину.

1) Спецификация обладаемого или воздействие на часть целого: 1а) транзитивное: *So so-leś pjd-z-e sęsirtiz* 'Он поранил ему-Abl ногу-3Sg-Acc'; 1б) динамическое: *So so-len jjr-a-z jettiz* 'Он попал ему-Gen в голову-III-3Sg'; 1в) статическое: *So-len ki-jz veś lue* 'Ему-Gen больно руку-Nom'.

2) Спецификация обладателя или воздействие на целое через его часть: 2а) дитранзитивное: *So so-je kјms-a-z šukkiiz* 'Он ударил его-Acc в лоб-III-3Sg'; 2б) статическое: *Derem miški-ti-z paś* 'Платье-Nom дырявое сзаци-ProI-3Sg'.

Как видно из примеров, при воздействии на часть с транзитивными глаголами посессор приобретает аблативный показатель на *-leś*, а обладаемое имеет посессивную аккузативную форму (1а); с динамическими глаголами — генитивный посессор на *-len* и обладаемого в локативной посессивной форме (1б); со статическими — посессор имеет форму генитива, а обладаемое является формальным субъектом (1в). При воздействии на целое через часть с дитранзитивными глаголами посессор имеет форму аккузатива, а обладаемое — локатива (2а); а в статических выражениях посессор — субъект, а обладаемое — локативное обстоятельство, чаще всего выраженное пролативом (2б). Посессор, как правило, бывает внешним, если он получает спецификацию (случай 2), и имеет статус внутреннего или атрибутивного элемента, если специфицируется объект посессии (случай 1).

Неотчуждаемые имена, как правило, редко обладают внутренним или атрибутивным посессором, выраженным генитивом. В удмуртском языке его наличие необходимо, 1) когда агент предложения и референт объекта не совпадают и их невозможно определить: *So jjr-a-z jettiz* 'Он попал [с е б е] в голову-III-3Sg' и *So so-len jjr-a-z jettiz* 'Он попал е м у-Gen в голову-III-3Sg' (54), (55); 2) когда посессор является новым референтом (56), (57); 3) если посессор находится в фокусе высказывания (39); 4) посессор может присутствовать, когда он не относится к NP обладаемого и выполняет другие синтаксические функции.

(54) *пуны со-лэс' быж-з-э ик чиктыса кэл'тэм* 'Собака вырвала (отломил) е й-Abl (л и с е) х в о с т(-е е)' (Образцы II 334).

(55) *Љапук пы д-ы сены-з йы ртышк-озя-з учкиз со-е* 'Љапук посмотрел на него (на мужчину) с ног до головы (букв. Љапук посмотрел его с ноги-его до затылка-его)' (Медведев 21).

(56) *Паймыса, ымзэ усьтыса, пиез-лэн мынясь сьд синъ ёс-а-з учкиз* 'С удивлением, открыв рот, смотрела с ы н у-Gen в улыбающиеся черные г л а з а(-е г о)' (Медведев 8).

(57) *pjd-z-e t'oran-leś vandі·zj* 'С т е п а н у-Abl ампутировали (отрезали) н о г у(-е г о)' (Keļmakov, Saarinen 156).

Опущение местоименного посессора обязательно, если субъект действия и референт объекта совпадают: *So pjd-z-e sęsirtiz* 'Он поранил [с е б е] ногу-3Sg-Acc' и *So soleś pjd-z-e sęsirtiz* 'Он поранил е м у-Abl ногу-3Sg-Acc'. Оно желательно, если в высказывании несколько референтов и их можно идентифицировать. Это касается, в первую

очередь, форм 1-го и 2-го лица. В случае 3-го лица идентификация происходит по принципу: одушевленный референт всегда имеет преимущество над неодушевленным, личный над безличным, определенный над неопределенным, активный над пассивным, референт синтаксически располагается ближе к объекту.

(58) *й ы р-а-м олокы·чэ но малпанийос лыкто* 'Какие только мысли [не] приходят [мне] в голову(-мою)' (Образцы II 71).

(59) *Нюлэскын пу дасяку-з, кунул-а-з лемтэй куртчиськем* 'Во время заготовки(-его(мужчины)) дров в лесу, [ему] в подмышку(-его) впился клещ' (Красильников 121).

(60) *Китй-ды кыкыса нуны ум турттйське* 'Мы не пытаемся вести [вас] за ручку(-вашу)' (Красильников 99).

(61) *Кин ке кылтй-з кыкисез вал шат!* 'Разве [его] кто тянул за язык(-его)!' (Красильников 16).

Опущение Rх возможно при наличии именного или местоименного посессора в случаях «внешней посессии» для эмфатического выражения (см. 3.3, 3.5). Абсолютное опущение посессора допустимо в случае эгоцентрического дискурса с некоторыми именами с неотчуждаемой семантикой и высокой степенью референтности (пример 7).

5. Заключение

В работе показано, что удмуртский относится к тем немногим языкам, которые имеют морфологическую оппозицию или два маркера, один из которых для неотчуждаемой посессии, другой — для отчуждаемой. Эта дифференциация возможна, в первую очередь, в силу маркировки главного слова. Однако существует группа слов, которые морфологически относятся к отчуждаемым, а прагматически ведут себя так же, как и неотчуждаемые имена (имена с высокой степенью релятивности). То есть, семантическое содержание неотчуждаемости в удмуртском языке реализуется в отношении целое—часть. Имена с высокой степенью релятивности не могут существовать отдельно от посессора, но являются окказиально отчуждаемой частью.

Материал демонстрирует, что в дискурсе особенностью неотчуждаемых, а также имен с высокой степенью релятивности является то, что они практически никогда не употребляются без грамматически выраженного референта; при неличной посессии, как правило, посессор предшествует и примыкает к обладаемому; в предикативных конструкциях они могут использоваться только в ограниченных случаях.

Address:

Svetlana Edygarova
University of Tartu
E-mail: svetie@yandex.ru

Сокращения

Px — посессивный суффикс; **N** — имя; **Gen** — генитив; **Abl** — аблатив; **Pm** — обладаемое, объект принадлежности; **Pr** — посессор; **El** — элатив; **Inst** — инструменталь; **Nom** — номинатив; **Acc** — аккузатив; **NP** — именная фраза; **Pl** — множественное число; **Sg** — единственное число; **R** — референт; **Ill** — иллатив; **Prol** — пролатив; **N-Px** — конструкция: имя, оформленное посессивным суффиксом; **N-Gen N-Px** — конструкция: определяющее имя оформлено генитивом, определяемое — посессивным суффиксом; **N-Abl N-Px-Acc** — конструкция: определяющее имя оформлено аблативом, определяемое — посессивным суффиксом и аккузативом; **N-Nom N** — конструкция: определяющее имя в форме номинатива, а определяемое примыкает; **N-El N** — конструкция: определяющее имя в форме элатива; **N_{Pm}-o N_{Pr}** — конструкция: посессор предшествует обладаемому и оформляется словообразующим суффиксом *-o*; **N_{Pm}-Inst N_{Pr}** — конструкция: посессор предшествует обладаемому и имеет форму инструментала.

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **Категория** — Категория притяжательности в славянских и балканских языках, Москва 1989;

Источники: **Инвожо** — журнал на удмуртском языке, Ижевск; **Красильников** — Г. Д. Красильников, Тонэн кылысько. Роман, повесть, но веросьёс, Ижевск 1991; **Медведев** — Г. С. Медведев, Лёзя бесмен. Роман-трилогия, Ижевск 2006; **Образцы I** — В. К. Кельмаков, Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры, Ижевск 1981; **Образцы II** — В. К. Кельмаков, Образцы удмуртской речи. Срединные говоры, Ижевск 1990; **Keĭmakov, Saarinen** — V. Keĭmakov, S. Saarinen, Udmurtin murteet, Turku—İževsk 1994.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1996, Посессивность. Вступительные замечания. — Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность, Санкт Петербург, 99—100.
- Бубрих, Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Вахрушев, В. М. 1970, Изафетные конструкции в удмуртском языке. — ЗУдмНИИ, вып. 21, 78—106.
- 1980, Субстантивированные словосочетания в удмуртском языке. — Словосочетания в удмуртском языке, Ижевск, 130—168.
- Головачева, А. В. 1983, К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. — Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания, Москва, 19—26.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970.
- Едыгарова С. В. 2008, Основные способы выражения предикативной посессии в удмуртском языке. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Ижевск (Пермистика XII), 107—120.
- Журинская М. А. 1977, Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности. — Категории бытия и обладания в языке, Москва, 194—258.
- 1978, Именные посессивные конструкции в меланезийских языках. — О языках, фольклоре и литературе Океании, Москва, 16—38.
- 1979, О выражении значения неотторжимости в русском языке. — Семантическое и формальное варьирование, Москва, 295—347.
- Иванов В. В. 1975, Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами. — Лингвотипологические исследования II, Москва, 42—69.
- Кельмаков В. К. 1970, Кукморский диалект удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск.

- 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов, Ижевск.
- 1996, Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке. — CIFU VIII, Pars III, 131—134.
- К и м А. А. 1986, Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск.
- Л ы т к и н В. И. 1970, О вокализме непервого слога финно-угорских языков. — СФУ VI, 221—238.
- М а й т и н с к а я, К. Е. 1955, Венгерский язык. Введение, фонетика, морфология, Москва.
- П е р е в о щ и к о в П. Н. 1957, Притяжательные формы связи имен в определенных словосочетаниях удмуртского языка. — ЗУдмНИИ, вып. 18, 71—92.
- Р а х и л и н а, Е. В. 1996, Посессивность и вопрос. — Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность, Санкт-Петербург, 118—127.
- С е л и в е р с т о в а О. Н. 1973, Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом «быть». — ВЯ, № 5, 95—105.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1955, Тыловый диалект удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- 1975, Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства. — Вопросы финно-угроведения VI, Саранск, 195—200.
- Ч и н ч л е й К. Г. 1996, Поле посессивности и посессивные ситуации. — Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность, Санкт-Петербург, 100—118.
- Я к о в л е в И. В. 1927, Удмурт кылрадъян. Элементарная грамматика вотского языка, Ижевск.
- А м е к а, Ф. 1996, Body Parts in Ewe Grammar. — The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation, Berlin—New York, 783—839.
- С h a p p e l l, H., W. M c G r e g o r 1996, Prolegomena to a Theory of Inalienability. — The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation, Berlin—New York, 3—30.
- D a h l, Ö., К о п т е в с к а я - Т а м м, М. 2001, Kinship in Grammar. — Dimensions of Possession, Amsterdam, 201—225.
- E d y g a r o v a, S. 2009, Attributive Possession in Udmurt language. — LU XLV, 101—118.
- External possession, Amsterdam—Philadelphia 1999.
- F o k o s - F u c h s, D. 1963, [Рец.] Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962. — NyK LXV, 217.
- H e i n e, B. 1997, Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization, Cambridge.
- H e r s l u n d, M., B a r o n, I. 2001, Introduction. — Dimensions of Possession, Amsterdam, 1—25.
- K o k l a, P. 1963, Possessiivsuffiksid mari keeles. Väitekiri filoloogiakandidaadi teadustiku kraadi taotlemiseks, Tallinn.
- К о п т я в с к а я - Т а м м, М. 2003, Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. — Noun Phrase Structure in the Languages of Europe, Berlin—New York, 621—722.
- L é v y - B r u h l, L. 1914, L'expression de la possession dans les langues mélanésiennes. — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris 19, 96—104.
- N i c h o l s, J. 1986, Head-Marking and Dependent-Marking Grammar. — Language 62, 56—119.
- 1988, On Alienable and Inalienable Possession. — In Honor of Mary Haas, Berlin, 557—609.
- 1992, Linguistic Diversity in Space and Time, Chicago.
- N i k o l a e v a, I. 2002, The Hungarian External Possessor in a European Perspective. — Finno-Ugrians and Indo-Europeans, Linguistic and Literary Contacts, Maastricht, 272—285.

- Podlesskaya, V., Rakhilina, E. 1999, Reflexivization and Body Parts in Russian. — External Possession, Amsterdam—Philadelphia, 505—522.
- Seiler, H. 1983, Possession as an Operational Dimension of Language, Tübingen.
- 2001, The Operational Basis of Possession. — Dimensions of Possession, Amsterdam, 27—40.
- The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation, Berlin—New York 1996.
- Ullian, R. 1978, Toward a Typology of Substantival Possession. — Universals of Human Language. Stanford, California, 11—49.
- Vászoly, E. 1967, A finnugor személyjelek kérdéséhez (A permi nyelvek névszói személyjelek leíró vizsgálata és belső rekonstrukciója). — NyK LXIX, 3—56.

SVETLANA EDYGAROVA (Tartu)

**AUSDRUCK UNVERÄUSSERLICHER POSSESSION
IN DER UDMURTISCHEN SPRACHE**

Im vorliegenden Artikel wird analysiert, wie im Udmurtischen die Kategorie unveräußerlicher Possession auf semantische und grammatische Weise ausgedrückt werden kann. Anhand eines speziellen morphologischen Merkmals der unveräußerlichen Possession werden Klassifikationen von Substantiven abgeleitet, die die Semantik der Possession ausdrücken. Weiterhin werden das Funktionieren dieser Substantive in verschiedenen syntaktischen Konstruktionen sowie Besonderheiten ihres Ausdrucks in der Rede untersucht.